

В этих отношениях он чувствовал себя униженным и испуганным, но упрямо искал подтверждение, оставляя в укромных местах след, который невозможно стереть, наивно полагая, что это и есть романтика.

Но романтика должна быть теплой и сладкой, а не такой, как сейчас, когда кровь словно смешалась со льдом. Ледяная крошка не таяла, превращаясь в лезвия, которые вонзались в сердце, причиняя невыносимую боль.

За пять минут до выхода на сцену Нин Лань вернулся в место сбора АОВ за кулисами.

Ань Линь подошла к нему и отчитала:

— Куда ты пропал? Телефон не берешь, разве можно в такой ситуации бродить где попало?

Но, заметив, что состояние Нин Ланя не в порядке, она прервала себя и смягчила голос:

— Что случилось? Ты плохо себя чувствуешь?

Нин Лань покачал головой:

— Извини, только что был в туалете.

Ань Линь отвела его в сторону и понизила голос:

— Опять какие-то проблемы?

Даже ассистентка знала, что это не первый раз, когда у него «проблемы». Нин Лань хотел посмеяться над собой, но улыбка не получилась. Он опустил глаза в пол:

— Нет, не беспокойся.

Ань Линь вздохнула, глядя на его озабоченное, но молчаливое лицо. Среди семи участников АОВ Нин Лань не был самым выдающимся, но, пожалуй, самым спокойным. Когда он только присоединился к группе, его отвергали, и Ань Линь видела это, пыталась за кулисами помочь. Она слышала, что семья Нин Ланя небогата, и на его день рождения компания хотела пригласить его родных, но в его личных данных, оставленных в компании, графа «родители» была пуста, как и графа «экстренный контакт». Неудивительно, что он так рано повзрослел, в отличие от тех молодых господ, которые целыми днями создавали проблемы.

— Если что-то есть, можешь поговорить со мной или с менеджером Чжан Фань, не держи все в себе, — посоветовала она.

Нин Лань кивнул, думая про себя, что такие вещи он унесет с собой в могилу, никому не рассказывая.

— Ах да, пока тебя не было, есть кое-что, что ты должен запомнить, — Ань Линь еще больше понизила голос. — Чжан Фань сказала, что, если ничего не случится, лучшей новой группой станем мы. Она сказала, чтобы вы на сцене не слишком радовались, по крайней мере, не показывали этого, а если сможете прослезиться, то будет еще лучше, чтобы сыграть на чувствах зрителей.

Нин Лань поднял голову с недоумением. Он был «свалившимся с неба», и у него не было многолетних тяжелых тренировок, которые могли бы вызвать смесь радости и грусти.

— Когда ты дебютировал, у тебя было много хейтеров, но теперь большинство фанатов тебя приняли, вспомни последнюю встречу с фанатами... — Ань Линь вовремя остановилась. — Когда на сцене заиграет музыка и загорятся огни, ты должен что-то почувствовать, верно?

Нин Лань думал, что не сможет заплакать. Ему было 23 года, и он пережил то, что многие не испытают за всю жизнь. По логике, он уже должен был стать неуязвимым, и ничто не могло его тронуть или огорчить.

Когда ведущий на сцене объявил, что лучшей новой группой года стала AOW, в его душе было пусто. Он даже не чувствовал гордости за то, что стал свидетелем этого, как будто это был голос за кадром, не имеющий к нему никакого отношения.

— Эй, идем за наградой, — Фан Юй тронул его, пока он все еще был в задумчивости.

Семеро выстроились в ровную шеренгу и поднялись на сцену сбоку. Нин Лань шел последним в колонне. Бодрая музыка звенела в ушах, и все вокруг казалось нереальным.

С момента выхода на сцену и до сих пор Нин Лань не смотрел на Суй И, вернее, избегал его. Он не знал, что сказать Суй И. После мучительной боли он все еще чувствовал себя застрявшим в лютом холоде, не в силах выбраться.

Суй И был его ядом, и пока он не избавится от него, ему не следует больше с ним контактировать.

— А теперь мы приглашаем гостя, господина Цзи Чжинаня, чтобы вручить награду победившей группе.

Услышав это имя, Нин Лань сначала замер, а затем его взгляд невольно устремился туда, откуда доносился голос. Он видел, как Суй И взял награду из рук Цзи Чжинаня. Они стояли под светом, на мгновение встретившись взглядами, их лица озарялись взаимной улыбкой.

— Прежде всего, благодарим организаторов музыкального фестиваля, а также нашу компанию «Звездный свет», и, конечно, наших фанатов. Без вас у AOW не было бы сегодняшнего дня...

Суй И произносил стандартную благодарственную речь с уверенностью и серьезностью.

Голос был так близок, словно врезался в его сердце, и в то же время так далек, что, сколько бы он ни старался догнать его, удавалось лишь схватить горсть пыли.

Нин Лань слушал, и его горло сжалось. Затем нижняя губа задрожала, и горячие слезы, едва появившись на глазах, начали катиться вниз.

Нельзя избавиться от этого. Даже сейчас он все еще мечтал догнать этот свет, приблизиться к нему, стать ближе.

Как можно от этого избавиться?

AOW оставались в зале до конца церемонии награждения.

Корпоративный праздник был назначен на следующий день в полдень. Когда они вернулись в автобус, было уже за полночь. Фан Юй и Лу Сяочуань тоже поехали с группой в общежитие. В машине царил оживленная атмосфера, они передавали только что полученную награду, а Ван Бинъян даже укусил ее, закричав от боли.

Фан Юй смеялся:

— Ты думаешь, это Оскар?

Он забрал награду и сказал:

— Лань Лань еще не видел. Вот, потрогай эту награду, и завтра с тобой случится что-то неожиданное.

Нин Лань, свернувшись в углу, медленно повернул голову, задумался на мгновение, а затем поднял руку и коснулся награды.

Лу Сяочуань громко рассмеялся:

— Если бы не неожиданное событие, Лань Лань даже не стал бы трогать ее, ха-ха-ха-ха.

Ван Бинъян вытянул шею, чтобы посмотреть на Нин Ланя:

— Лань, все в порядке?

На сцене именно Нин Лань плакал больше всех, не рыдая, а молча лья слезы. Когда семеро обнялись на сцене, остальные участники заметили, что он плачет. После выхода за кулисы Гао Мин даже посмеялся над ним: «Какой ты актер».

— Всё в порядке, — тихо ответил Нин Лань.

Суй И, сидевший впереди, обернулся, чтобы взять награду, которую передал Фан Юй, и мельком взглянул на Нин Ланя. Его нос был еще красным, уголки губ опущены, а глаза безжизненно смотрели в окно. Он выглядел холодным, но в то же время каким-то жалким.

Он немного напоминал Цзи Чжинаня в детстве.

Сегодня он видел Цзи Чжинаня. Его глаза были такими же ясными, как раньше, но улыбка на его губах не была такой искренней, как прежде. Вежливая и отстраненная улыбка, словно он много раз тренировался перед зеркалом. Казалось, у него тоже были свои переживания.

Суй И должен был думать о том, почему Цзи Чжинань был недоволен, но, возможно, из-за недостатка концентрации, его мысли снова вернулись к человеку, сидящему в углу на заднем сиденье.

Он не знал, действительно ли Нин Лань играл или думал о чем-то печальном. Если это было последнее, то, возможно, это было связано с тем, что он сказал ему.

Тогда, увидев, как он тащится с этим толстым стариком, он выпалил, не подумав. Теперь, оглядываясь назад, это действительно было слишком.

Когда они добрались до общежития, все разошлись в поисках еды. Гу Чэнькай, Гао Мин и Ван Бинъян пошли в пашлычную у входа в район, а Фан Юй и Лу Сяочуань, не имея машины, уговорили Суй И отвезти их на хот-пот. Нин Лань собирался подняться один, но Фан Юй обхватил его шею рукой:

— Лань Лань, поехали со мной. Ты же обещал приготовить для меня секретный соус.

Фан Юй, несмотря на свою худобу, был сильным, как бык, и без труда подтащил Нин Ланя к

машине Суй И. Видя, что отказаться уже не получится, Нин Лань сдался.

Суй И открыл ему дверь переднего сиденья, но Нин Лань отступил на шаг и забрался на заднее сиденье рядом с Фан Юем. Лу Сяочуань, видя, что они дружат, уступил место и пересел на переднее сиденье, громко крикнув:

— Поехали!

Нин Лань совсем не хотел есть, ему даже было немного тошно.

В детстве он часто плакал, потому что соседи слышали его и приходили, чтобы остановить отца, чтобы он не бил его так сильно. Отец, из-за стыда, бил его меньше или заканчивал раньше. Потом отец начал затыкать ему рот грязной тряпкой, чтобы он не плакал, и после этого он только хотел вырвать. Теперь, когда он плакал, у него сразу же возникал рвотный рефлекс.

Он пошел приготовить соус для всех, а когда вернулся, стол был уже полон блюд, и суп кипел.

— Эй, Лань Лань, почему ты не приготовил соус для себя? — спросил Фан Юй, держа в зубах палочки.

Суй И посмотрел на свою порцию и протянул ее Нин Ланю:

— Ешь сначала, я не буду.

Нин Лань опустил глаза, а затем вернул ее обратно:

— Твоя.

Суй И не понял.

— Без чеснока, кинзы и зеленого лука, немного острого, твоя, — добавил Нин Лань.

<http://bllate.org/book/16833/1565547>